

Когда любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,—
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтреннаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанію дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь; ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, и мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный конь разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я? гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пусты-
И все передо мной затмилоса! И нынѣ [нѣ,
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты
Окружена была; чтобъ громкою молвою [мною
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду во тѣмъ ночной, въ минуту разлученья.

Это чувство юноши; но вотъ оно же—уже
чувство человѣка возмужалаго,—и въ немъ
та же трогательная душу гуманность, та же
артистическая предель:

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она насъ больше не тревожитъ:
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Наконецъ, это изящно-гуманное чувство
отзывается чѣмъ-то благоуханно-святымъ въ
испытанномъ, но не побѣжденномъ жизнью
поэтѣ:

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе свое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить. Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,—
Пройдетъ и скроется? Ужель не можно мнѣ
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье.
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселья, миръ души, безпечные досуги,
Все—даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги?..

Кромѣ уже поименованныхъ и частью вы-
писанныхъ нами самобытныхъ пьесъ изъ
первой части, перечтите тоже слѣдующія,
которыя поименуемъ мы теперь въ хроно-
логическомъ порядкѣ: «Сожженное письмо»,
«Я помню чудное мгновеніе», «Зимняя до-
рога», «Отвѣтъ О. Т***», «Ангель», «Соло-

вей», «Близъ мѣсть, гдѣ царствуетъ Вене-
ція златая», «Наперсникъ», «Предчувствіе»,
«Цвѣтокъ», «Не пой, красавица, при мнѣ»,
«Городъ пышный, городъ бѣдный», «Птич-
ка», «Иностранка», «На холмахъ Грузіи ле-
житъ ночная тѣнь», «Не плѣняйся бранной
славой», «Пойдемъ, я готовъ», «Когда твои
младые лѣта», «Зима, что дѣлать намъ въ
деревнѣ?», «Калмычкѣ», «Что въ имени тебѣ
моемъ?», «Брожу ли я вдоль улицъ шум-
ныхъ», «Отвѣтъ Анониму», «Пью за здра-
віе Мери», «Цыганы», «Мадонна», «Зимній
вечеръ», «Каковъ я прежде былъ, таковъ
и нынѣ я», «Анчаръ», «Подъѣзжая подъ
Ижору», «Примѣты», «Красавица» (въ аль-
бомѣ Г***), «Признаніе» (къ Александрѣ
Иванови О—й), «Желаніе», «Пажъ, или
пятнадцатилѣтній король», «Ея глаза», «Раз-
ставаніе», «Романсъ» («Предъ испанкой
благородной»), «Послѣдніе цвѣты», «Кто
знаетъ край, гдѣ небо блещетъ». Здѣсь не
названа только «Разлука» (для береговъ
отчины дальней),—не названа для того,
чтобъ сказать, что едва ли граціозно-гуман-
ная муза Пушкина создавала что-нибудь
благоуханнѣе, чище, святѣе и вмѣстѣ съ
тѣмъ изящнѣе этого стихотворенія по чув-
ству и по формѣ.

Какъ на послѣднее доказательство пре-
обладанія въ Пушкинѣ художественнаго эле-
мента надъ всѣми другими, какъ доказатель-
ство, что онъ, взявшись за перо, по волѣ
или по неволѣ, уже не могъ не быть худож-
никомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ
привѣтствіи, возложеніемъ приличіемъ, ука-
зываемъ на пьесы: «Баратынскому изъ Бес-
сарабіи», «Примите Невскій Альманахъ»,
«Княгинѣ З. А. Волконской», «Отвѣтъ Кате-
нину», «И. В. С***», «Отвѣтъ А. И. Готовце-
вой», «Е. Н. У***вой», «Сѣтованіе», «А. Д.
Баратынской», «Д. В. Давыдову» (при по-
сылкѣ исторіи Пугачевского бунта), «Къ
женщинѣ поэту», «В. С. Ф***» (при полученіи
поэмы его), «Въ Альбомѣ» («Долго сихъ
листовъ завѣтныхъ»).

Мы сказали, что чтеніе Пушкина должно
сильно дѣйствовать на воспитаніе, развитіе
и образованіе изящно-гуманнаго чувства въ
человѣкѣ. Да; не во гнѣвъ будь сказано на-
шимъ литературнымъ старовѣрамъ, нашимъ
сухимъ моралистамъ, нашимъ черствымъ,
анти-эстетическимъ резонерамъ,—никто, рѣ-
шительно никто изъ русскихъ поэтовъ не
стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть
воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и
даже старыхъ (если въ нихъ было и еще не
умерло зерно эстетическаго и человѣческаго
чувства) читателей, какъ Пушкинъ, потому
что мы не знаемъ на Руси болѣе прав-
ственнаго, при великости таланта, поэта,
какъ Пушкинъ. Старовѣры еще не могутъ